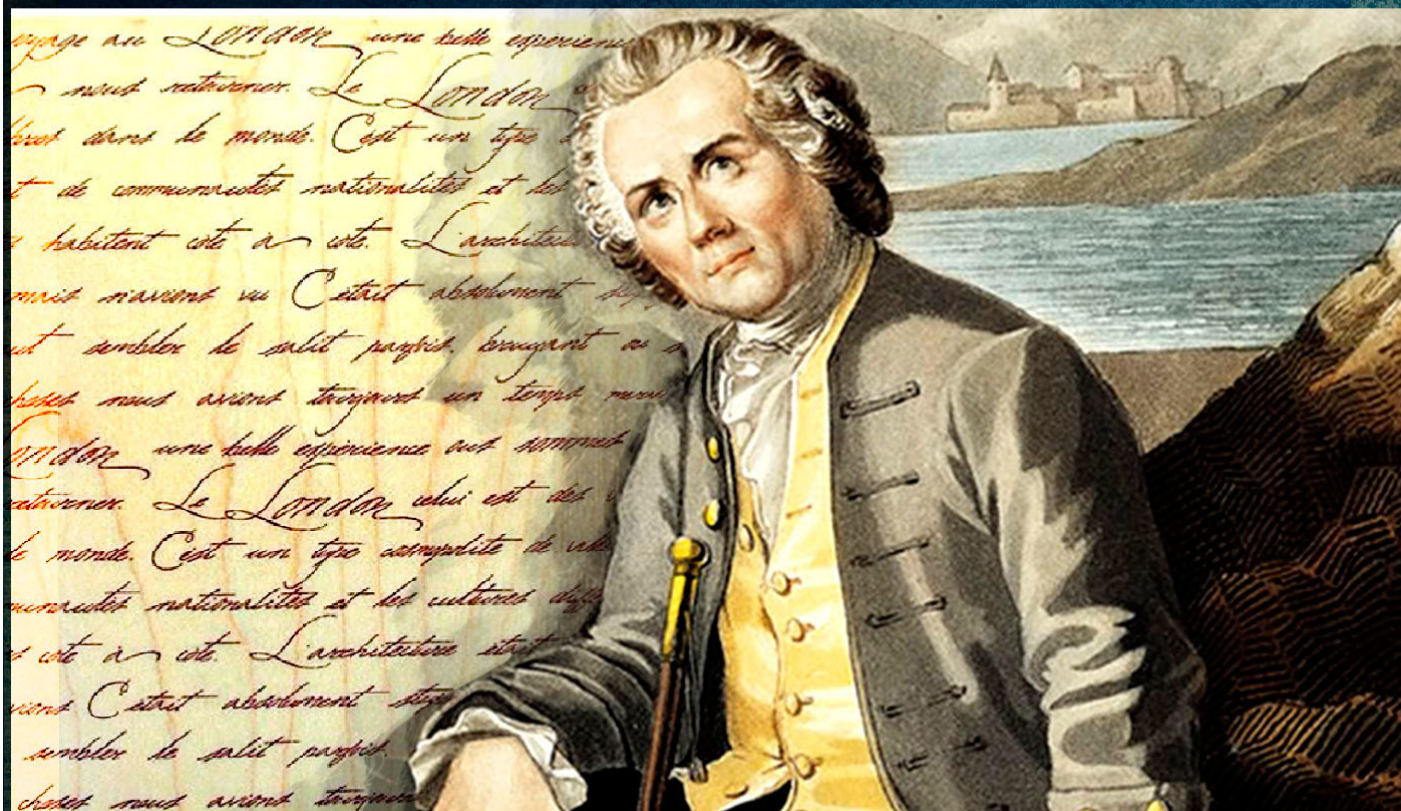

Жан-Жак Руссо

Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми

Жан-Жак Руссо

**Рассуждение о начале и основании
неравенства между людьми**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Руссо Ж.

Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми / Ж. Руссо — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми, Сочиненное г. Ж. Ж. Руссо» - сочинение выдающегося французского мыслителя и писателя Жан-Жака Руссо (франц. Jean-Jacque Rousseau, 1712-1778).

***Неравенство, по мнению автора, должно быть уничтожено в государстве, где частные лица располагают общей информацией друг о друге. Мировую известность прозаику принесли произведения «Новая Элоиза, или Письма двух любовников», «Руссовы письма о ботанике», «Семь писем к разным лицам о воспитании», «Философические уединенные прогулки Жан Жака Руссо, или Последняя его исповедь, писанная им самим», «Человек, будь человекен», «Общественный договор», пьеса «Пигмалион» и стихотворение «Fortune, de qui la main couronne». Жан-Жак Руссо прославился как выдающийся деятель эпохи Просвещения и человек широкого кругозора. Его сочинения по философии, ботанике и музыке глубоко ценятся современниками во Франции и во всем мире.

© Руссо Ж.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ОТ ПЕРЕВОДИВШЕГО	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

РАССУЖДЕНИЕ О НАЧАЛЕ И ОСНОВАНИИ НЕРАВЕНСТВА МЕЖДУ ЛЮДЬМИ, Сочиненное Ж. Ж. Руссо *Перевел Павел Потемкин*

Сиятельнейший Граф, Милостивый Государь!

Я имею честь приписать Вашему Сиятельству перевод Рассуждение о Неравенстве Между Людьми. Признаюсь и что такое приношение мало в рассуждении Вас; но ведаю я то, что свойство великих душ, есть рассматривать чистосердечие, а не важность приношения, и что всякая жертва для них приятна: а как я не имею средства лучшего принести мою благодарность за благоволение Вашего Сиятельства о первом моем переводе, то чтобы чувствования оной не остались без засвидетельствования, предпринял я в знак того признания, которым я вам обязан посвятить книгу сию Вашему Сиятельству.

Сочинителя сего рассуждения славится тем, что родился он в такой стране, в которой может свободно объявлять мнения свои: когда бы он мог предусмотреть сие цветущее состояние России, в котором мы ныне под благословенною держаною Премудрой нашей **Монархини** находимся, то без сомнения оставил бы он свои похвалы.

Бывали такие времена в России, в которые гордость была предметом людей занимающих высокие степени, в которые управляющие, стараясь удержать в наивысшем порабощении прочих, не допускали не только говорить, о каких-либо обстоятельствах, но и запрещалось упоминать об истинных мнениях. Сии времена с мрачностью тех грубых веков протекли, а цветущее состояние, ныне вознесенное на толь высокую степень России, доказывает, что не принуждение, но добродетель умножает усердие к монархам истинную преданность к общей пользе, и венчает всякое благосостояние народное.

Благополучны мы по истине, что рождены в такой век, в которой просвещение блистает в совершенной своей славе, в которой добродетель беспримесная процветает, распространяется и торжествует, в которой благоволением нашей **МОНАРХИНИ**, век свой бессмертною славою увенчающийся, каждый сын благополучной нашей страны пользуется, и щедротами ее наслаждается.

Сие изливающееся блаженство на часть толь знатную человеческого рода, служит к славе Вашего Сиятельства. Вы, исполняя знаменитые труды свои в доверенных Вам делах, споспешествуете намерениям премудрой нашей Государыни. Слава, с какою Вы все то исполняете и добродетельные Вашей души свойства, обязывают всех чувствовать, колико мы Вами одолжены: ибо должность есть каждого сына отечества иметь признание к пекущимся толь знаменито о пользе общества.

За благо примите, Милостивой Государь, сие мое приношение, как знак того признания, которое меня принуждает прославлять Ваши добродетели, и

наполняет сердце мое тою искренностью и глубочайшим почтением, с каким
я имею честь быть,

*Сиятельнейший граф, Милостивый государь
Вашего сиятельства покорный слуга Павел Потемкин.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Самое полезное и меньше всех известное из человеческих знаний, кажется мне, есть о человеке¹ и я осмелюсь сказать, что единая надпись храма Делфийского содержала в себе наставление гораздо нужнейшее и гораздо труднейшее всех великих нравоучительных книг. И так, я почитаю содержание сего рассуждения, за один из самых нужных вопросов, какие философия может предлагать, и по несчастью для нас, за один из самых труднейших, которые Философ решить может: ибо, как можно познать источник неравенства между людьми, если не начнешь познанием их самих? И как человек дойдет совершенно до того, чтоб мог видеть себя таким, как природа его устроила, сквозь все перемены, которые многое продолжение времен и вещей должныствовали произвести в его начальном состоянии, и различить то, что имеет от собственного своего основания, с тем, что обстоятельства и приращения его приобщили от себя к первобытному его состоянию, или в нем переменили? Подобно статуе Глаукуса, которую время, море и бури столько обезобразили, что уже она больше представляла лютого зверя, нежели Бога. Душа человеческая, изменившаяся посреди общества чрез тысячу разных причин, непрестанно возрождающихся, чрез приобретение знаний и заблуждений, чрез перемены произошедшие в сложении тел, и чрез непрестанное сражение страстей, преобразила, так сказать, вид свой, даже до того, что почти стала непознаваема; и вместо существа Действующего всегда по известным и неперменным основаниям, вместо себя небесные и величественные простоты, которую Творец в нее впечатлил, находится в ней только безобразное противоположение страсти, которая о себе мнит, будто она рассуждает, и разума, который безумствует.

Всего мучительнее есть то, что как все приращения рода человеческого, отдалают его непрестанно от его первобытного состояния: по чем более мы накапливаем новых знаний, тем паче отъемлем средства к приобретению одного самонужнейшего из всех, и в некотором смысле, чрез излишнее учение о человеке, привели мы себя в не состояние познать его.

Легко видеть можно, что в сих то со временем происходящих переменах человеческого составления, надлежало искать первого начала разностей, которые различают людей, и которые по общему признанию суть естественно столько равны между собою, как были скоты всякого рода, прежде нежели разные физические причины ввели в некоторые из них те различности, кои мы и примечаем. В самом деле, непонятно то, чтобы первые перемены, чрез какое средство они ни произошли, могли изменить вдруг и одинаковым образом всякого порозня во всем роде; но между тем, как одни приходили в совершенство или испортились, и получили разные качества добрые или худые, которые не заключились в их природе, другие остались долее в начальном своем состоянии: и таковой-то был между людьми первый источник неравенства, которое легче можно доказать таким образом вообще, нежели означить с точностью подлинные тому причины.

¹ С самого начала моего утверждаюсь я с доверенностью на одном из сих изречений, почтенных для философов, потому что оные происходят от разума высокого и твердого, который одни только они могут находить и чувствовать. // Какую мы ни имеем надобность, чтоб узнать себя самих; однако ж я не знаю не все ли иное мы лучше знаем, нежели себя. Будучи снабжены от природы органами, определенными единственно на сохранение наше, употребляем мы их только на то, чтоб принимать впечатления совсем от нас чуждые; ищем только распростереться во внешности, и существовать вне себя, излишне упражнясь, как бы умножить действия чувств наших, и прибавить наружную обширность бытия своего. Редко употребляем мы то внутреннее чувство, которое нас приводит к подлинным нашим размерениям, и отдалает все от нас, что до нас не принадлежит. Совсем тем, сие то чувство должно нам употреблять, если мы хотим знать себя, оно есть единое то, по которому мы судить себя можем. Но как можно сему чувству дать его точную действительность и прямое пространство? Как нам душу нашу, в которой оно обитает, извлечь из всех прельщений нашего ума? Мы уже потеряли навык как ее употреблять, она осталась без упражнения посреди наших телесных чувствований; она иссохла от огня страстей наших, сердце, ум, чувство, все купно ей противоборствовало. Истор. Нат. том 4. стран. 151. о при человеческой.

И так, да не воображают мои читатели того, чтоб я дерзнул себя льстить, якобы я то видел, что мне кажется столь трудно видеть. Я начал некоторые рассуждения, отважился представить некоторые притом догадки, не столь в уповании решить вопрос, как в намерении изъяснить оный, и довести его к настоящему его состоянию. Другие могут свободнее пройти далее по тому же пути, хотя не без труда всякому достичь до самого предела можно. Ибо, нелегко сие предприятие, чтоб разобрать, что есть первобытное, и что искусством введенное в нынешней природе человеческой, и узнать точно состояние, которое уже не существует, которое может быть никогда не существовало, и уповательно не будет и во веки существовать, однако ж, о котором нужно иметь истинное понятие, дабы мы могли чрез то прямо судить о состоянии, в коем находимся ныне. Надлежало бы притом иметь гораздо более философии, нежели мнят, тому, кто предпримет точно определить те предосторожности, которые принять должно; дабы о сем учинить основательные примечания и достаточное решение следующей проблемы, кажется мне не недостойно Аристотелей и Плиния нашего века: Какие опыты нужны к достижению того, что познать, человека и его природе, и какие суть средства для исполнения сих опытов и недрах общества? Отнюдь не предпринимая решить сию проблему, кажется мне, однако, что я столько доволен о сем деле размышлял, дабы мог уже осмелишься наперед ответствовать за то, что управление сих опытов достойно самых величайших философов, а произведение их в действо не ниже достоинства Государей, какового стечения ожидать почти несходно с разумом, особенно при продолжении, или лучше сказать, при восследовании, просвещения и благоволения, потребного с обеих сторон к достижению желанного успеха.

Сии изыскания толь трудные в исполнении, и о которых донныне так мало помышляли, суть однако единые средства, оставшиеся нам для отвращения множества тех затруднений, кои скрывают от нас подлинное сведение об основаниях человеческого общества. Сие то невежество природы человеческой производит столько неизвестности и темноты в рассуждении истинного определения права естественного: ибо понятие о праве, говорит Г. Бюрламаки, и еще более о праве естественном, явным образом суть понятия, относящиеся к человеческой природе: и так, из сей то самой природы человека, продолжает он, из его составления и состояния должно выводить начальные правила сей науки.

Не без удивления, и не без соблазна, примечается несогласие, находящееся в рассуждении сего важного предмета, в разных писателях о том рассуждающих. Между самыми важнейшими из них, едва можно найти двух, которые бы одинакового были мнения, не говоря о древних философах, которые, кажется, нарочно старались противоречить друг другу о началах самых основательных: Римские Юрисконсульты без всякого различия подчиняют человека, и всех прочих животных тому ж естественному закону, для того, что они рассуждают под сим именем закона, более о том, что природа налагает сама себе, нежели о том, что она предписывает, или лучше сказать, по причине особого означения, по которому сии Юрисконсульты разумеют слово закон, которое кажется, что приняли они в сем случае только за выражение всеобщих отношений, установленных природою между всеми существами одушевленными для собственного их сохранения. Нынешние писатели, не признавая под сим именем закона; как только единое правило, предписанное существу нравственному, то есть, разумному, свободному и рассуждающему в его отношениях к другим существам: следственно, ограничивают все в едином смысле одаренном обуздании, то есть, в человеке, принадлежность закона естественного. Но описывая сей закон, каждый по своему мнению устраивает оный на основаниях толь метафизических, что между нами находится весьма мало и таких людей, которые бы в состоянии были разуместь сии основания, а не только, чтоб могли найти оные от себя самих, так что определения или описание ученых людей, будучи впрочем, в непрестанном между собою противоречии, соглашаются только в том, что невозможно разуместь закона естественного, и, следовательно, ему повиноваться, не будучи великим рассказчиком и глубоким метафизиком. А сие точно значит, что люди долженствовали для восстановления общества, употребить такие

просвещения, которые с великим трудом открываются, да и то весьма малому числу людей, в недрах самого общества.

Столь мало ведая природу, и соглашаясь толь худо о смысле слова закон, весьма трудно будет условиться о надежном определении закона естественного. И так, все таковые определения, находящиеся в книгах, кроме того недостатка, что они не единообразны, имеют еще тот, что они произведены из многих знаний, которых человеки естественно не имеют, и выгод, которых понятия не могут они прежде постигнуть, как уже выступив из природного состояния. Начинают изысканием правил, о которых для общей пользы, нужно бы людям между собою условиться, и после дают имя закона естественного собранию сих правил, без всякого другого повода кроме того блага, которое находят, что могло б произойти из всеобщего исполнения оных правил. Вот поистине весьма хороший способ сочинять определения и изъяснять естество вещей по приличествам почти самовольным.

Но доколе мы не будем знать человека естественного, то тщетно останется желание наше, чтоб определить закон, им принятой, или который наилучше приличествует к его составлению. Все то, что мы можем видеть весьма ясно в рассуждении сего закона, есть, что надлежит, дабы он был законом, не только, чтоб воля того, которого оный обязывает, покорялась ему с знанием, но еще, дабы он был естественным, то должно, чтоб он проповедовался непосредственно гласом природы.

И так, оставив все книги учебные, которые нас научают видеть человеков не иначе, как таковыми, какими они себя сделали, и рассуждая о первых и самых простых действиях человеческой души, кажется мне я примечал в оной два начальные правила, предыдущие разуму, из которых одно нас привлекает ревностно к нашему благосостоянию, и сохранению себя самих, а другое внушает нам отвращение естественное видеть порабощающим или страждущим всякое существо чувствительное а особливо нам подобных. Из стечения и соображения, которое наш разум в состоянии сделать из сих двух состояний, не имея никакой надобности допускать тут основания, производимого из склонности к обществу, кажется мне проистекают все правила естественного права, кои потом разум бывает принужден восстанавливать на других основаниях, когда он по откровениям повременным дошел до того, что затушил природу.

Таким образом, нет нужды делать из человека философа, не сделав его наперед человеком. Должности его в рассуждении ближнего, не одними только поздними уроками премудрости, ему исполнять повелевается; как долго он не воспротивится внутреннему вдохновению сожаления, то не сотворит он никогда зла другому человеку, и никакому существу чувствительному, кроме случая законного, где сохранение его собственное востребует, и где он долженствуется дать себе самому пред всем преимущество. Сим средством кончатся также древние споры об участии других животных в законе естественном, ибо то ясно з что они будучи лишены просвещения и вольности, не могут признавать сего закона: но как они некоторым образом касаются нашей природы по чувствительности, коею они одарены, то можно рассуждать, что они должны также участие иметь в праве естественном и что человек в рассуждении их подлежит некоему роду должностей. Кажется, в самом деле, что если я должен не творить никакого зла подобному мне, то сие делается не столько для того, что он есть существо разумное, как для того, что существо чувствительное. Но как сие качество есть общее скоту и человеку: то должно первому из сих по крайней мере дать то право, чтоб не быть озлобляемым от другого.

Сие самое учение о человеке первобытном о его подлинных надобностях, и о начальных основаниях его должностей есть также единое только хорошее средство, которое употребить возможно для отвращения сей бездны трудностей, представляющихся о начале неравенства нравственного, о подлинных основаниях общества Политического, о взаимных его членов и о тысячи других тому подобных вопросов столько же нужных, сколь худо поныне изъясненных.

Рассматривая общество человеческое спокойным и беспристрастным оком, кажется оно ничего не показывает сперва, кроме насильства людей могущих и утеснения слабых. Разум тревожится противу суровости первых, и склонность влечет к сожалению об ослеплении других: и как ничего нет столько твёрдого между людьми, как сии обстоятельства внешние, которые чаще производит случай, нежели благоразумие, и которые называются слабостью или силою, богатством или убожеством, то установления человеческие кажутся при первом взоре основанными на куче песку зыблущегося, и только лишь рассмотри их гораздо ближе и по развеянии пыли и песка, окружающего здание, приметить можно самый непоколебимый низ, на котором оное поставлено, и тут начинают уже видеть основания оногo. Но без нарочного тшания о познании человека, его природных способностей, их поврежденных откровений, никогда не можно до того достигнуть, чтоб сделать сие различие, и в нынешнем действительном составлении вещей, отделить то, что учинила воля божественная от того, что искусство человеческое сделать мнимо; и тако изыскания политические и нравственные, к которым подает случай сей нужный вопрос, мною теперь рассматриваемый, суть всяким образом полезны, и положительная История правлений для человека есть учительное наставление ко всякому случаю. Рассматривая каковы бы мы могли быть, быв оставленными самим себе, должны мы научиться благословить того, которого благодетельная рука исправляв наши установления и даруя им положение непоколебимое, предупредила беспорядки, долженствующие из оных произойти, и благоволила произвести благополучие наше из средств, кои, казалось, долженствовали сделать бы совершенную нашу бедность.

ОТ ПЕРЕВОДИВШЕГО

Сообщая свешу перевод рассуждения Г. Руссо о неравенстве между людьми, которого важность по содержанию своему требовала давно уже быть ему на Российском языке, исполняю я обещание, данное мною при первом моем переводе.

Между тем находя за удобное здесь изъяснить со своей стороны некоторые мнения, осмелился я их предложить на рассуждение не целого общества, которого предрассудки бывают иногда в предосуждение справедливости; но людей просвещенных и правосудящих.

Я не буду простираюсь в том, чтоб описывать подробно, как сотворен сей свет, и человек извлек себя из ничтожества, в каком его полагают, какими способами приобрел он все те пауки и художества, в которых ныне свет процветает, или чрез которые человек вознес себя, так сказать, сверх возможного воображения; для того, что сие было бы только или следовать или противоречить мнениям Г. Руссо. Но как я человека в сущем ничтожестве никогда не полагаю и человеческий род по видимым способностям своим доказывает нам, как много оный предпочтен пред прочими тварями, то нелегко всякому подтверждать оное с явными доказательствами. Сия система, вообще сказать, весьма трудна и доказать оную гораздо неудобно. Самое толь прославленное рассуждение сего сочинителя не каждого утвердит на его мнении основаться или оному верить. Люди всегда были горды и самолюбивы, ныне ж, по распространению знаний, стали надменны и суемудренны, следовательно каждый хочет решить дела по собственным видам, и мысленно себе сам дает пред всеми преимущество: и так мое мнение не в том состоит, чтоб испытывая, как сотворен сей свет, говорить в противность или соглашаться с сим рассуждением, но кратко предложить, от чего свет стал толике развратен, и упомянуть всегда ли он таков был от самого начала, или особливые причины его к такому состоянию довели?

Все философы, испытывающие о человеке, начинали говорить нем с самого первобытного его состояния, и выводили оное хотя разными, однако между прочим и много сходными между собою мнениями; но никто из них не показал того, ради чего не допускают они иметь человеку с самого первого начала тех способностей, которые его пред прочими тварями столь много отличают? ибо, когда родился он равно несмышлен, как и все животные, то по какому чудному побуждению мог он, примечая только их действия, и подражая оным, присвоить себе сам преимущество и всякое понятие, а притом, какой бы мог быть предмет природы, сотворив человека иначе, нежели как мы его видим нашими глазами допустить собственному его труду дойти до того совершенства, в каком он ныне находится; и по чему бы надлежало ему быть несмышленным, когда уже он определен иметь и те малые способности, каковые испытатели природы ему предоставляют и в самом том низком состоянии, в каком они его полагают, то есть: скитающегося без пристанища, без всякого намерения и без понятия о существе своем, но только с некоторым внутренним чувством существа, самовольно действующего. Такое то рассуждение долженствовало бы произойти от пера сочинителя книги сей и ему подобных писателей.

Как нужно есть, чтоб хотя один кто из таких великих людей, показал с доводами ясными прямое положение мира, и означил те причины, которые заставляют их полагать человека тик, как и прочих животных несмышленным; ибо, когда воззришь на лепоту пречудно сотворенных стихий, когда воззришь на светила, нас освещающие, на сию бездну звезд, украшающих небеса, когда представишь все обращающиеся в глазах наших перемены земного шара, и вспомнишь, сколько человеческий разум способен постигать все премудрости и тайны, сколько он восхищается даже до высот небесных, и что он единый есть, который достоин рассматривать и рассуждать о сем чудном и прекраснейшем сотворении, тогда представишь, что все философы

полагают человека гораздо в отличном состоянии, нежели как, по-видимому, его Вышний предел сотворил.

Желал бы я изъяснить, коликое по мнению моему имеет преимущество человеке пред всеми прочими тварями с самого его первобытного начала, как по отличности существа его, так и по обстоятельствам, каковые суть все его способности, его выгодное составление и внутреннее чувства, которые оказывают его превосходство пред всеми животными, населяющими поверхность земного шара: но то было бы весьма обширно, да и не для сего предпринял я здесь предложить мои мнения. Содержание оных состоять будет в том только, чтоб кратко представить обществу, что как я полагаю человека от самого его начала, озаряема светом разума стольким же преимуществом, каковым и ныне обладают: то для того упомянуть долженствую о следствиях рода человеческого, который преисполнен толь многими развратностями; а потому описать причины, кои произвели столько вражды, столько ненависти и столько злодеяния, которыми вседневно к стыду нашему мы видим человеческий род пожираемый.

Не без труда однако было бы означить подробно причины такого беспорядка: ибо цепь, связывающая нуждами всех взаимно, пре путана несчетным числом разных путей к причинению вреда, так что чем более начнешь в оное входить, тем более подлинный того источник скрывается от нашего разума в недрах непроницаемой мрачности. Между тем надежно можно сказать, что не без заблуждения остаются мыслящие, якобы свет был когда-нибудь лучшим, нежели в каком состоянии мы его ныне зрим. Люди были всегда таковы, как есть, с самых тех пор, как общества произведенные установили некоторый порядок нравственный, и отличность в людях установлена стала, и как всякой век имел свои правила, свои учреждения и свои обстоятельства, то следовательно имел уже он и происходящие из того пороки; с приращением новых изобретений происходили новые заблуждения; а чем более способности человеческого ума приходили к совершенству, тем паче люди склоняли разум свой на вред и сердца их исполнялись от тонкостей страстями; восстала особливо зависть, и усиливаясь беспрестанно свойство души добродетельно затухала.

Рассматривая первые племена человеческого рода, мнится мне, что люди разве только в самых первых веках долженствовали быть в том чистом и беспримесном состоянии, в каком они вышли из рук природы, и до тех лишь пор как число их было так мало, что не доходило им нужды иметь между собою установленное сообщение. Человек, будучи разве в том лишь едином состоянии, не помышлял о тех страстях, которые в общежитии сердцами обладают: но едва только распространение рода его учинилось столь многочисленно, что потребовало некоторого общественного установления, в тот самый час и основалось все то, что могло произвести пороки, которые потом и всякой век уже больше или меньше чувствовал. Нужды, обязывающие взаимно большую часть общежительствующих, производили новые пути к хитростям, которые один против другого употребить изыскивал средства от них то началось распространение мыслей к дальнейшим предметам; и человек вместо покойной жизни, коею он столь кратковременно пользовался, стал всегда в попечении, беспокойстве, в произыскании способов, дабы отличить себя от прочих, или, по крайней мере, учинить жизнь свою ненужною, и таким образом страсти вкрались нечувствительно в сердца человеческие, и проросли корень свой столь твердо, что уже, наконец, ввели в правило то, чтоб славиться соделанием вреда себе подобному. Свойство бесспорное души преобратилось в свойство злое, и тот самый разум, которой уступая чувственности во всяком случае, соединялся с жалостью и влек на помощь ближнему, стал обращать единственно на вымышление коварства и вреда, и счастье одного не могло уже без того совершиться, чтоб не сделать другому несчастья.

Легко видеть можно, что общества установленные в таком состоянии быв, почувствовали общий вред и гибель каждого особенно, и почли за необходимо нужное учинить некоторый договор, то есть, положишь условные законы. Но время okazało, что сия предосторожность не весьма помогла. Страсти уже обладали сердцами сильнее, нежели сколько законы в состо-

янии были их удержать. А человек, сделавшись завистлив и любостяжате́лен, скоро стал зол и неукротим. Сия нужда заставила избрать обществу единого начальника, которому власть всенародно препоручена стала: сильные желая чрез сие иметь способы ко отличению себя в предпочтении, склонились отдать жребии свои в руки властителя, а притесняемые, желая воспользоваться правом для защищения себя, предались охотно во власть избранного ими начальника². Сим образом коварство и притеснение купно поставили престол, которые день от дня утверждались преданностью и глубоким повиновением всякого неисключительно, и степень неравенства общежительного основана стала. Казалось тогда, что всякой вред пресечен, что злоба не только затухла, но и совсем истребилась, и восстановилось благоденствие: но род смертных сужден к другой доле, ибо и мысль человеческая повреждена уже будучи, клонилась всегда возвеличить себя сверх состояния своего, и сия то неистовая склонность произвела все то зло, которому человек стал подвержен.

Когда стали основаны законы властью единого, то установились также степени служителей, и преимущества в предпочтении, которые человека влекли изыскивать средства к достижению оных; тут возымели свою силу человеческие хитрости, обманы, и все те тонкости, которые разум человеческий произвести был в состоянии. За ними необходимо следовали открытия всех знаний, коих способности его были достойны, и которых достигнув, человек сделался горд и высокомерен. Отличность в предпочтении единожды почувствуемся, побуждала его почитать себя не только выше подобных ему, но и почитать сверх естественного сотворения. И так он обратил те способности свои на вымышление зла, которое долженствовало бы оное отвращать, и никакое уже рассуждение не в состоянии было удерживать стремление, какое зависть, или гордость в нем производила. Перемены обстоятельств зарождали в нем которую-нибудь из сих двух страстей, и переменили расположение мыслей его. Малейшее неудовольствие в его состоянии уменьшив гордость, делало его робким, низким и совсем трусливым, Таким образом каждый человек располагался по предрассудкам, отдалялся от истинного мнения и справедливости; а беспорочность души сколько уже ни защищала его от нападения страстей, но самолюбие, вкоренившись в его сердце, побеждало всякое истинное рассуждение, и принуждало уничтожать добродетель за самую малую цену прибытка, или за малейшую степень почести. Одним словом, разум уступал место, и дал власть над собою страстям, для того, чтоб мог располагать всегда всем по своим затеям, не поставляя намерениям истинного предела.

² Ежели бы я намерен был распространить содержание моих мнений, то бы я вместил здесь, что не возможно почитать за истину то, чтобы народы с самого начала установили какое-нибудь другое правление, кроме начальственного, по крайней мере, те, которых суть избрали себе сперва посредниками в своих делах, присвоили сами себе сию власть совершенно. Прочие же правления сделались, наконец, чрез возмущения какие-нибудь, по обстоятельствам случившиеся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.